

A collage of forensic evidence including a bullet casing, a fingerprint, a blood splatter, and a bullet casing.

Марина Воложакина-Агишева

Из глубины моей души и памяти

12+

Марина Воложакина

Из глубин моей души и памяти

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Воложакина М. С.

Из глубин моей души и памяти / М. С. Воложакина — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Представляю вашему вниманию книгу со своими произведениями о жизни и о любви. Посвящаю ее своим родным и близким. Благодарю их за помощь и поддержку. Счастья всем, дорогие читатели, и крепкого здоровья!

© Воложакина М. С., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Канитель

Ну вот и «канитель» началась – подумала Ксения, запрягая Пулю, (пегую лошадь, прозванную так за стремительность)... 24 октября – на Филиппа, был день, когда начиналась распутица и слякоть, а дел еще перед зимой невпроворот. Вот сейчас – зерно на мельницу привезла: перемолоть на муку и крупу, а потом в подотчет в сельмаг передать...

А что, председательша, давай, подмогну – окликнул ее однорукий Абрам – единственный мужчина, живым вернувшийся с фронта от их военкомата.

– Ой, да отстань ты от меня, сама справлюсь, – отмахнулась Ксения, увернувшись от его объятий.

– Ох и зря же ты от меня бегаешь. Красивая, да гордости больно много в тебе! Тянешь одна шестерых деток. А я бы помог! Да и веселее ведь вместе, ты председатель, я председатель, как объединили бы два хозяйства, а и зажили бы всем на зависть...

Но, Ксения уже не слышала его. Быстро закидав муку и крупу с дедом Матвеем, она уже мчалась, лихо управляя Пулей, чтобы засветло успеть в родное село...

И как так настроился женский ее организм, что в этот день, из года в год, у нее наступала «пора», «эти дни», «щука»?.. Усмехнувшись, она вспомнила, как это было у нее в первый раз. Купаясь в реке, почувствовала девушка горячий поток из чрева и, испугавшись, присидела в воде три часа. Старшая сестрица с подружками так и не уговорили Аксюту выйти из воды. Ничего не добились и мать, прибежавшая к реке с хворостиной. И только отец, подхватив на руки свою любимицу, понес ее в дом, коротко объяснив: «Да что ты, красота моя ненаглядная, это «пора» у тебя пришла»...

А потом, так горячо внизу живота бывало только рядом с Егорушкой – местным баянистом. Как глянет, да поправит свой чуб волнистый, у всех девчат глаза заблестят; а уж запоет, так, кажется, и рыба в Исети плясать начинает и все в природе взволнуется. Любимой песней Ксении так и осталась на всю жизнь: « За рекой черемуха колышется...».

Статная, с пышной черной косой ниже пояса, Ксения нравилась многим. И, когда вся деревня собралась в их избе, по поводу возвращения Степана Грачева с войны, парни пришли больше на нее посмотреть, чем послушать байки старых вояк. Хотя Степан сыпал новыми для всех словами: «Атланта», «интервенция», «тачанка». Но, порой, тоже восторженно взглянув на дочь, приговаривал: «Ох, и красивая ты у нас, Аксюта» и, повернувшись к молодежи, скромно занявшей угол у двери, строго добавлял: « Смотри у меня, шпана, кто заобидит, задеру, как волк овечку!!!»

Было то по весне, а как заколосилась рожь в полях, заболел одноногий Степан. Запечатлилась жена Варвара: детей-то четыре девки и сынок, а младшей Нюрочке всего седьмой годок поше. Время голодное, продрозверстка и последующий продналог сравнивали в деревне Грачево всех. Вчерашний голодранец Митяй Воронов красуется в кожанке и красных штанах, да все машет своим наганом, выкрикивая заученные лозунги. Давеча и к ним заходил, будто проведать лежащего Степана, а сам так смерил Ксению взглядом, что и слов не надо!

Как совсем непроглядная тьма опустилась на дома, побежала Аксюта к реке, за дальней от дороги поле, туда, где ждал ее любимый Егорушка... Ласки, жаркие объятия и шепот: « давай убежим сейчас же в Спицыно или в Михонку, там даже рабочие руки нужны... Детишек мне нарожаешь».

– Да как же, любый мой, не могу я сейчас от больного отца и малых сестриц уйти. Да и братишка еще не помощник в доме

– Не поймешь ты меня никак, радость моя. Если мы начнем работать, за трудодни в МТСе нам столько всего надают – и твоим поможем и мамке моей. А что батя твой пока против, не беда, смиритесь...

Уже на следующее утро Степан призвал всю семью к своей лежанке и объявил:

– Уйду я скоро, которую ночь ко мне батя приходит. Не поминайте лихом, коли что не так. А ты, Варвара, вместо ноги в гроб ко мне Нюрку положи, не поднять вам ее, и не выкормить тебе всех. Помощь- то и надежа только Ксения, да и та, того гляди, замуж выскочит... Не ходи за яго, Аксюта, красивые оне все ветряные, да и что у яго на уме-то – байки, да гулянки одне... – с большим трудом, то и дело прерываясь на удушливый кашель, попрощался Степан Грачев с каждым из близких по отдельности. Сложил крестообразно руки на груди, сжал крепко губы и закрыл глаза. И так вот тихо и спокойно отошел в мир иной...

Ксения, подстегивая Пулю, вспоминала дальнейшие события. Помнит, как схоронили отца, Митяй совсем нагло стал к ним захаживать, хорошо хоть сестрицы и братик всегда рядом вечерами были. А, поскольку Егор уже устроился на трактор в большое село Михонка, так и уехала вместе с ним девушка темной ночью из родного села...

Ярким и страстным был союз Егора и Ксении. Каждую свободную минутку были они вместе. Баловал он свою горлицу подарками, да гостинцами сладкими. А на Сретенье сходили они вместе в родное Грачево, да и попросили благословения у матерей своих. Варвара только молча утирала слезы, разбирая щедрые подарки. Снабжение в Михонке, как в райцентре, вот молодожены и привезли целый вещмешок еды и вещей. Такой праздник у Грачевых получился и Василиса Дьячкова – мать Егора сдружилась за этот вечер со сватьей. Ей- то одной долгими вечерами так было грустно, а теперь и помогать согласна Варваре...

Улыбнулась Ксения, вспоминая первую любовь, жаль только, что недолгой она оказалась. На МТС была учетчица Ирина. Очень уж ей понравился веселый баянист.

– И чего он сюда эту деревенщину притащил, да еще и женился на ней?! – досадовала она в разговоре с разбитной буфетчицей Ольгой. Так вот, последняя и научила Ирку, как мужика из семьи увести...

В семейных заботах и любви летели денечки молодой семьи Дьячковых. Ксения так радовалась, что к следующему Сретенью должен у них маленький родиться; представляла, как прижмет к груди комочек, похожий на любимого. Животик у Ксюши стал уже сильно выпирать, перестала она вместе с Егором в клуб на танцы ходить, тут разлучница и взяла мужика в оборот. Как полили первые осенние дожди долгими вечерами за окном, так и слезы неудержимо потекли из красивых Ксюшиных глаз. Стал Егорушка домой приходить нетрезвый и глаза от нее отводить. А уже на покосе бабы, с интересом глядя на Ксению рассказали, что ее Егор Ирку до дому провожает... Крепко закусив губы, Ксения весь день косила, не откликнулась на зов женщин ни в обед, ни вечером, а как ушли все с поля, добежала до опушки и ничком упала в траву... Потеряла она тогда сознание, а когда пришла в себя, поняла, что и ребеночка потеряла. Открылось кровотечение, и ребенок родился мертвым... Казалось тогда Ксюше, что и жизнь вместе с дитем из нее ушла. Как закаменела она тогда. Почернела вся от горя, губы запеклись, видеть никого не хотела. Отлежалась денек, собрала вещи и ушла обратно домой, к матери.

Не стала Варвара корить дочку и вспоминать, что отец ей говорил. Да ведь, итак, жаль девку, зачерствела видно душой. Поплакать бы ей, да омыть себя изнутри слезами.

« Хорошо, хоть Митяй женился, приставать больше не будет» – думала Варвара, а и то ведь он таперича, пуще прежнего, важничает – председателем назначили.

Ксения молча пошла с матерью и сестрой в их бригаду, на сенокос, а Митяй на третий день с важным видом заявился к ним и изрек:

– Ты вот что, Ксения, собирайся, завтра в город машина пойдет. Поедешь на учебу, значить, от села. Будешь у нас завклубом и киномехаником заодно. Такой вот мой председательский наказ тебе!

Всплакнула на радостях Варвара за дочку. Развееется хоть молодлица в городе, может припутится горюшко ...

Интересным оказалось для молодой женщины новое дело. Хотелось, чтобы с толком для себя односельчане в клуб ходили, а не просто семечки полузгать, да посплетничать...

Вернулась она в деревню уже по весне, неся в рюкзачке подарочки домашним, а в голове новые думки, часто невеселые. Хоть и много насмотрелась фильмов и знает теперь, в чем сестриц предостеречь и что молодежи посоветовать, а сама-то все вопросом о себе мается: кто она? Ни мужняя жена и ни вдова и ни мама.... Совсем недавно все было, а так далеко, что будто и жизнь прошла...

Через неделю Ксения подготовила клуб к просмотру фильмов. Ленты привозили из Михонки и вот однажды, когда зрители второй раз просили прокрутить драму о цирковых артистах «2 Бульди2», за спиной, в тесной камере кинемеханика, кто-то горячо задышал. Оглянувшись, Ксюша отпрянула было, но деваться было некуда, Егор крепко сжал ее в своих объятиях.

– Прости меня, любимая, околдовала меня Ирка-ведьма. Как выпью хоть рюмку, так к ней тянет, как отрезвею – о тебе печалюсь. Жить я так больше не хочу, Аксюта!

– Уходи, – только и выдавила из себя Ксения, – не прощу!!!

Назавтра пошла она в сельсовет, и, заплатив 500 рублей пошлины, оформила бракоразводную подписку.

Итак, в работе и помощи матери, да за посиделками с сестрицами и подругами долгими вечерами, шло время...

А вот опять же в «канитель», помнит Ксюша приехал в село вдовец с двумя дочурками. Подружилась Ксения с хорошенькими беловолосыми девочками, так тянулась душа ее зачерствевшая к деткам. Александр стал обихаживать понравившуюся ему Ксению. Полная противоположность Егору – светлый степенный и немногословный мужчина, покорило сердце Ксении своей надежностью...

Узнав о возможном отъезде завклубом, Митяй рвал и метал. Ох, как не хотел он отпускать от себя Ксюшу, тем более не остыли еще его чувства к ней. Пришлось Ксюше опять тайком покидать свою Родину.

«Опять меня воруют» – усмехалась она, уезжая в далекий северный край, на прииск Пионер.

А на новом месте серьезные люди – сотрудники ее Александра, сразу назначили Ксению председателем сельсовета.

Сам же Александр часто выступал на собраниях и митингах, дома занимался подготовкой к выступлениям и изучал многочисленные труды Маркса, Энгельса и Ленина. Шурочка с Зиной очень сдружились с Ксенией и называли ее мамой. А три года спустя, когда бушевала цинга, почувствовала Ксюша, что понесла. Всколыхнулось в ней чувство тревоги, ведь заболела она тогда серьезно... Китаец, живший по соседству, помогал их семье, чем мог. То травку принесет, то жидкую черную кашу – вкусную, соленую. Когда родилась доченька, смотреть Александру на своих любимых девчат было страшно. Все худые и беззубые... Трудодни на прииске оплачивали золотом, а ему, как парторгу, еще и усиленный коэффициент полагался. Поехал Александр на станцию и у китайцев выменял свой заработок на бочонок квашеной капусты, лук и чеснок.

Дочку Александр решил назвать Ираидой, так ему казалось непривычно и красиво это имя, да и в поддержку от великомученицы, о которой бабушка в детстве рассказывала. Один килограмм триста граммов весила девочка и не плакала, а пищала слабым котеночком. Каждое утро китаец, принеся соседям подарочек, осведомлялся: «Бабиса, девсенка зывой?»

– «С Божьей помощью» – еле слышно отвечала Ксения. Молитв она не знала, но крепко поверила, что кто-то там сверху протягивает ей руку помощи, проверив ее сначала на жизнестойчивость и крепость духа...

Окрепли девченки уже к зиме. Китайцы все какие-то коренья носили, и сами они трав засушили, брусники и грибов насобирали. Муку из кореньев натолкли, и оладушки вкусные из нее пекли. Теперь уж без стеснения Ксения выставила в красный угол образок Богородицы, потемневший от времени, который мама ей тайно в узелок запрятала. И сразу все сомнения отпали – это Силы Небесные хранят ее и семью – вот ведь из какой передраги выкарабкались. Отступила цинга...

Ксения уже смело оставляла Иру со старшими девочками и работала. И так гладко и стремительно пронеслись следующие 10 лет ее жизни, что забылись старые обиды и тревоги. Шурочка и Зина окончили по семь классов и уехали в Сквородино, учиться в железнодорожный техникум. Теперь главной помощницей Ксении осталась Ираида. А семья за это десятилетие, ой, как пополнилась! Двух дочерей и двух сыновей родила Ксения Александру. Жили они очень дружно. Глава семьи был надежный и сильный, плохо только, что редко дома бывал. Да и Ксения теперь все больше в разъездах. Работы на селе всегда полно, а уж когда война началась и подавно. Люди в тылу трудились без сна, обеспечивая фронт. А все эти поездки Ксении в Магдагачи – 12 километров до центральной дороги, раньше на лошади, а потом и пешком, да еще на машине 75 километров выматывали до невозможности...

А тут она опять – беда, тяжелой ношей на Ксенины плечи, да такая, что и представить страшно...

Погиб ее Александр в шахте, как говорили, не будет больше такого грамотного парторга и надежного руководителя... Черной птицей металась душа Аксюты в горестных думках. Ну, не научилась она за всю свою жизнь выть и плакать, всегда все в себе держала..., Ираиде на то времечко всего десять годочков было, Аллочке восемь, Володе пять, а младшему Олежке всего-то три...

Дети у Ксении росли не по годам серьезные. Только младшенький всегда озорничал, да то и объяснимо – баловали его, как могли. Ксения освоила швейную машинку и перешла из одежды покойного мужа мальчишкам брючки и рубашки, а вот фуфайку новую выменяла на станции за слиточек золота, что за Александра ей руководство выделило. Так вот, Олежка ту фуфайку на рыбалке нечаянно в костер уронил... А Ира с Аллой по очереди в школу ходили, потому что и фуфайка и туфли и валенки у них одни на двоих были...

«Вот как, пока ехала до дому, всю жизнь в голове прокрутила» – подумала Ксения, заворачивая Пулю в родной перелесок. Как ни торопились, а засветло до дому добраться не удалось. И, если б не Пуля, вернее ее стремительность, не остаться бы им в живых. Еле ушли тогда они от стаи волков... Вернувшись в село, и сдав муку и крупу, Ксения написала заявление об освобождении ее от должности председателя, сразу предложив наверх объединить два хозяйства и поставить председателем Абрама.

Самую трудную должность для себя выбрала потом Ксения. Баня топилась дровами, которые надо было самой натаскать и расколоть. Мыться приезжали и с рудника и с драги, и местные захаживали помыться в свои короткие перерывы. А убирать приходилось не только баню, но и контору. Конечно, решение такое Ксения приняла и из материальных соображений, ведь приисковых работников снабжали значительно лучше колхозников. А запасы золота, которые остались после Александра, Ксения решила не расходовать. Приходила на работу к матери Ира, и во всем ей помогала. Так, не разгибая спины, не различая порой и лиц от усталости, проработала Аксютя два года. Если б не знания корешков и трав, полученные от китайцев, не поднять бы ей детей здоровыми и крепкими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.